

Российский подход к международному вмешательству Соблюдение нормы или реалполитика?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 2312
Февраль 2014 г.

Юлия Никитина
*Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет)*

Многие наблюдатели, анализируя позицию России по международному вмешательству и суверенитету с 1991 года по настоящее время, считают российский поход неоднозначным и непоследовательным. Если не брать в расчет явно выбивающийся из общей логики пример пятидневной войны с Грузией, то в целом Россия скорее придерживается стратегии невмешательства, уважая нормы суверенитета как на глобальном, так и на региональном уровнях. Возникает вопрос, почему же Россия отреагировала именно таким образом в случае с Грузией в августе 2008 года? Был ли случай Грузии примером особого типа конфликтов, в который Россия все-таки готова вмешиваться, или же это было исключение, подтверждающее правило?

Ответственность по защите: уважение нормы или стратегия самооправдания?

Среди западных государств есть более или менее сформировавшийся консенсус относительно ответственности международного сообщества по защите населения, которое страдает от злоупотреблений своего правительства. Россия одобряет сам принцип ответственности по защите, однако, не согласна с западными методами его реализации.

Принцип ответственности по защите часто воспринимается в России всего лишь как практическая реализация демократическим международным сообществом преимуществ теории демократического мира путем военного вмешательства. Россия обеспокоена тем, что на Западе заранее имеется консенсус относительно того, какую сторону поддерживать во внутрисостоятельных конфликтах (повстанцы против недемократического правительства) и что приверженность принципу смены режима приводит не к разрешению, а к

эскалации конфликтов. Как постоянный член Совета Безопасности ООН Россия может влиять на решения ООН по поводу вмешательства, но не на решения в сфере морали относительно того, кого считать правым, а кого виноватым в конкретном конфликте. В определенном смысле эта дилемма относительно правых и виноватых, добра и зла возвращает нас к идеологическому противостоянию времен холодной войны относительно революций в странах «третьего мира». Однако, кажется, что сейчас Россия и Запад поменялись местами: Россия скорее поддерживает официальные правительства, в то время как Запад стремится поддерживать силы сопротивления, независимо от их политических взглядов, если они выступают против недемократического правительства. В отсутствие сил сопротивления Запад готов сам реализовывать на практике теорию демократического мира, сменяя недемократические режимы на демократические.

Самый свежий пример столкновения российских и западных подходов к ответственности по защите – Сирия. Неожиданно даже для себя, России удалось продвинуть основанную на российском нормативном подходе повестку дня урегулирования: прямые переговоры между сторонами конфликта без международного вмешательства и смены режима. На переговорах «Женева-2» по Сирии в январе 2014 года различия в позициях России и США относительно роли сирийского президента Башара Асада в будущем переходном правительстве по-прежнему остались, однако, уход Асада, по крайней мере, уже не ставится в качестве предварительного условия для прямых переговоров между сирийской оппозицией и правительством. Однако же, то, что кажется победой российской дипломатии, скорее, может быть объяснено «усталостью» США от интервенций, чем триумфом российских моральных норм.

Российское вмешательство в Грузии

Сирия имеет недемократический режим, а что произойдет, если внутригосударственный конфликт случится в демократическом государстве? В 2008 году Запад поддержал демократическое грузинское правительство, а Россия вмешалась в поддержку территорий, стремившихся к отделению. Некоторые западные аналитики рассматривают действия России в определенной степени циничное использование нормы ответственности по защите. Вместе с тем, сама Россия никогда не использовала этот аргумент, официальный российский дискурс строился вокруг термина «принуждение к миру».

Все же решение начать военные действия противоречит общей позиции России по вмешательству. Действия Грузии по отношению к Южной Осетии в 2008 году были в такой же степени внутренним делом Грузии, как и две контртеррористические операции России в отношении чеченского сепаратизма. Признание Южной Осетии и Абхазии противоречит российской позиции по признанию независимости Косово. Миротворческие операции в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Таджикистане в 1990-х годах при лидирующей роли России были проведены без мандата ООН. При этом позднее Россия осудила

операции НАТО в Косово в 1999 г. и возглавляемую США операцию в Ираке в 2003г.

Чем можно объяснить эту непоследовательность? Можно ли считать российские миротворческие операции на постсоветском пространстве и войну с Грузией показателями российского неоимпериализма? Есть ли у России принципиальные возражения только против вмешательств Запада с целью построения демократии, т.к. они создают прецедент для смены режима в не полностью демократичной России? Традиционная реалистская логика предполагает положительный ответ на один или на оба этих вопроса.

Вместе с тем, есть и альтернативные объяснения. Все же российская позиция по невмешательству может рассматриваться как последовательная: в частности, все внутренние конфликты должны решаться только в рамках международно признанных границ государства. Ведь конфликт с Грузией не привел к изменению российской позиции по Приднестровью, Нагорному Карабаху или Косово. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии противоречит принципам российской внешней политики, но это может быть рассмотрено как вынужденный шаг под влиянием обстоятельств. Этот шаг был исключением, который другие игроки восприняли в качестве правила.

С 2008 года Россия в целом не изменила свою позицию по международному вмешательству. Россия продолжает настаивать, что сами противоборствующие стороны должны прилагать усилия для урегулирования конфликта. Если бы в 2008 году Россия действительно хотела создать прецедент для дальнейших вмешательств на постсоветском пространстве, то попытки Запада подорвать суверенитет в других регионах мира (например, в случае Ливии или Сирии) Россия бы встретила большим пониманием, если не полным согласием. Так что в отношении Ливии и Сирии позиция России противоречит ее собственной стратегии в 2008 году. Таким образом, российская позиция по международному вмешательству действительно последовательна. Это войну 2008 года следует анализировать как исключение.

Невмешательство России на региональном уровне

Аргументы в поддержку аргумента о невмешательстве России можно найти на примере ее действий на постсоветском пространстве. Один из часто встречающихся на Западе аргументов предполагает, что Россия действительно сочувственно относится к авторитарным режимам, что и создает основы для российских протестов против вмешательства международного сообщества для смены этих режимов. В таком случае, развивая эту логику, мы можем предположить, что Россия в целом готова поддержать авторитарные режимы в их борьбе с оппозиционными силами. Прямая поддержка авторитаризма на глобальном уровне была бы контрпродуктивной для российского внешнеполитического имиджа, вместе с тем, на региональном уровне Россия

должна иметь большую свободу действий. Однако Россия не поддерживает дружественные режимы при помощи вмешательства.

Этот тезис можно проиллюстрировать двумя группами примеров. Первая группа примеров – это так называемые цветные революции в Евразии (Грузия в 2003 г., Украина в 2004-2005 г, некоторые относят сюда и Молдавию в 2009 г.). Хотя Россия и была относительно разочарована результатами цветных революций и даже напугана тем, что смена власти произошла революционным путем, у России не возникало намерений нарушить суверенитет этих государств ни в ходе самих революций, ни после них для оказания помощи ушедшим властям, с которыми у России были относительно хорошие отношения.

Вторая группа примеров включает ситуации, которые могли бы стать прецедентом для коллективного вмешательства из-за определенного уровня насилия в ходе массовых беспорядков. Первый пример – это две смены режима в Киргизии. Россия и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не вмешались в ходе революции в 2005 году для спасения режима мягкого авторитаризма Аскара Акаева, не было вмешательства и в революцию 2010 года. ОДКБ объясняла свое невмешательство тем, что по своему Уставу это организация коллективной обороны, и она не создавалась для реакции на такого типа кризисы. Официальная позиция ОДКБ состоит в том, что различные типы революций или социальных протестов – это внутреннее дело каждого государства, куда ОДКБ не должна вмешиваться (особенно без формального запроса на вмешательство со стороны государства-члена). Именно поэтому ОДКБ и не вмешивалась в ходе различных беспорядков и протестов в Белоруссии в 2011 г., Казахстане (Жанаозен) в 2011 г., в ходе экстремистских атак в Таджикистане (Горный Бадахшан) в 2012 г. Все упомянутые примеры волнений могли бы стать прецедентом для вмешательства со стороны ОДКБ, однако же члены ОДКБ считают данные случаи исключительно внутренним делом каждого государства.

Больше вопросов возникает относительно межэтнических столкновений на юге Киргизии в июне 2010 года, когда ОДКБ и другие региональные организации не стали вмешиваться, несмотря на официальный запрос Киргизии, направленный России. Официальная версия невмешательства состоит в том, что Киргизия отправила запрос России, а не ОДКБ. Кроме того, на тот момент не существовало правового основания для подобного реагирования на кризисы в рамках ОДКБ. Вмешательство имело бы смысл только после завершения этнических столкновений, что ближе по сути к классическому ООНовскому миротворчеству, когда миротворцы лишь наблюдают за соблюдением сторонами соглашения о прекращении огня.

Еще одной возможностью для вмешательства со стороны ОДКБ мог бы стать Нагорно-Карабахский конфликт в случае возобновления вооруженных столкновений. Однако же ОДКБ имеет правовое обоснование для вмешательства только в случае нападения на территорию одного из государств-членов, другими словами, если Азербайджан совершит военное нападение непосредственно на

территорию Армении. Если же вооруженный конфликт будет разворачиваться против Нагорного Карабаха, это не создаст оснований для действий со стороны ОДКБ.

Что, если не вмешательство?

Стратегия России по невмешательству в урегулирование конфликтов противоречит текущим мировым тенденциям: мировое сообщество все больше обеспокоено внутрисоциальными конфликтами.

Российская позиция отличается из-за российского опыта строительства государства и нации. Недавно получившие независимость и только что демократизированные страны часто подвержены различным типам внутренних конфликтов. Из своего опыта борьбы с сепаратизмом Россия вынесла уверенность, что некое международное вмешательство в поддержку сепаратистов (во имя соблюдения ответственности по защите) со всей вероятностью скорее нанесло бы вред и так не слишком гладкому процессу строительства российского государства и нации. Еще один фактор, который формирует российскую позицию – это российская революционная история. После распада СССР революции уже не воспринимаются в России как «прогрессивный» путь развития той или иной страны.

Даже если Россия выступает против вмешательства, есть вклад, который Россия может внести в реализацию принципа ответственности по защите. У России уникальный опыт, которым можно поделиться с подверженными внутренним конфликтам странами. Недавние международные вмешательства показывают, что основные проблемы возникают на стадии постконфликтного государствовооружения, потому как это длительный процесс, из которого нет ясных стратегий выхода для коалиций государств, производивших вмешательство. Западные страны имеют такую долгую историю демократического существования, что может поделиться только лучшими практиками, но не проблемами. А лучшие практики не будут работать, когда не было своих двухста лет проб и ошибок. Россия же до сих пор находится в процессе строительства эффективных государственных структур и единой нации. Россия может поделиться своими проблемами, которые возникали в процессе строительства работающих госструктур, урегулирования сепаратистских конфликтов и урегулирования конфликтов в Евразии. Одним из лучших способов «вмешательства», который может предложить Россия – это ее собственный опыт и усвоенные уроки.